

Вопросы представительства инвалидов с психическими расстройствами в суде

Право на судебную защиту является личным неотчуждаемым правом каждого человека, как по смыслу действующей Конституции, так и в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права. Реализации этого права в значительной степени служит институт судебного представительства, который позволяет с одной стороны получить квалифицированную юридическую помощь, а с другой – реализовать те права участника судебного процесса, которые по какой-либо причине затруднительно реализовать лично.

Задача законодателя состоит в том, чтобы предусмотреть такое регулирование вопросов представительства, которые учитывало бы особенности различных категорий судебных дел, а также отдельных категорий граждан.

Лица, имеющие психические расстройства, испытывают особые трудности с восприятием информации, особенно касающейся юридических вопросов, а также с формулированием и изложением собственной позиции по обстоятельствам дела. С другой стороны, такие граждане нередко испытывают и особые трудности с личным участием в процессуальных действиях (вследствие обострений психических расстройств, госпитализаций, в том числе в недобровольном порядке, и т.п.).

При этом такие граждане участвуют в судебных разбирательствах, которые непосредственно затрагивают основные права и свободы гражданина, а именно в делах о признании гражданина недееспособным, об ограничении в дееспособности вследствие психического расстройства, о восстановлении дееспособности (далее – «дела о дееспособности»), а также о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном

порядке, о продлении срока госпитализации гражданина в недобровольном порядке (далее – «дела о госпитализации»).

Таким образом, проблема судебного представительства в этих случаях требует особого внимания.

Долгое время в процессуальном законодательстве отсутствовали какие-либо специальные нормы по вопросам представительства в делах о дееспособности и делах о госпитализации, из чего следовало, что лица с психическими расстройствами, участвуя в таких делах, вправе прибегнуть к помощи представителя на общих основаниях.

При этом права, свободы и законные интересы недееспособных или не обладающих полной дееспособностью граждан защищают в суде их законные представители, либо другие лица, избранные этими законными представителями (см. статьи 37, 52 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в первоначальной редакции), таким образом самостоятельное участие таких лиц в судебном процессе, как и возможность для них выбрать себе представителя, вовсе не предполагались.

Положение изменилось после издания постановления Конституционного Суда РФ [6], в котором была сформулирована правовая позиция, согласно которой гражданин, в отношении которого рассматривается дело о признании его недееспособным, должен иметь возможность изложить свою позицию по делу лично, либо через выбранных им самим представителей. Кроме того, гражданин вправе обжаловать вступившее в законную силу решение о признании его недееспособным, если ему не было предоставлено возможности выразить свою позицию лично или через выбранных им самим представителей.

Принятый в развитие этой правовой позиции Федеральный закон от 06.04.2011 № 67-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» вышел за рамки вопросов, затронутых постановлением, и закрепил как право суда

привлекать к участию в деле граждан, признанных недееспособными (новая редакция статьи 37 ГПК РФ), так и право гражданина, в том числе признанного недееспособным, на помощь выбранных им самим представителей в делах о дееспособности. Это следует из взаимосвязанных положений пунктов первой статьи 284 (устанавливающего право гражданина на личное участие и помощь представителей при рассмотрении заявления о признании его недееспособным) и третьей статьи 286 (распространившего правила ст. 284 на дела о признании гражданина дееспособным) Гражданского процессуального кодекса.

В деле о признании гражданина недееспособным гражданин, в отношении которого рассматривается заявление, изначально является дееспособным, и участвовать в процессе в качестве недееспособного он будет лишь в случае обжалования вступившего в законную силу решения или подачи ходатайства о восстановлении пропущенного срока на апелляционное обжалование. В деле же о признании гражданина дееспособным гражданин, в отношении которого рассматривается заявление, изначально является недееспособным, в том числе и когда он сам выступает заявителем. Поэтому большинство дел о дееспособности, в которых участвует недееспособный гражданин, это дела о признании гражданина дееспособным либо дела о признании гражданина ограниченно дееспособным в порядке пункта третьей статьи 29 ГК РФ.

Однако принципиальное признание за недееспособным гражданином права пользоваться услугами выбранного им самим представителя поставило перед правоприменителем вопрос о порядке подтверждения полномочий такого представителя.

Очевидно, что недееспособный гражданин не имеет возможности выдать доверенность, удостоверенную в нотариальном порядке (поскольку обязанность нотариуса состоит в том числе в проверке дееспособности доверителя – ст. 43 Основ законодательства о нотариате), как и любую другую доверенность, упомянутую в ст. 53 ГПК РФ, поскольку обязанности

организаций и должностных лиц, удостоверяющих доверенности, в данном случае аналогичны обязанностям нотариуса.

В случае, если выбранный гражданином представитель является адвокатом, его полномочия могут удостоверяться ордерам согласно пункту 5 статьи 53 ГПК РФ.

Однако в этом случае возникают определенные сложности. Во-первых, адвокатский ордер, удостоверяя общие полномочия адвоката, не предоставляет ему полномочий, которые должны быть специально оговорены в доверенности (пункт первый статьи 54 ГПК РФ). Среди этих полномочий имеются такие критически важные как право на подписание заявления, предъявление его в суд и обжалование судебных актов (с учетом того, что получение личной подписи доверителя под жалобой может представлять особую трудность вследствие нахождения последнего в стационарной организации).

Эта проблема была предметом рассмотрения Конституционного суда [4], который применительно к праву на обжалование состоявшихся судебных актов по делам о дееспособности, признал за адвокатом право подавать жалобу, подтверждая свои полномочия лишь ордерам, без доверенности. При этом Конституционный суд в пункте первом резолютивной части постановления допустил формулировку, из которой следует, что суд вправе рассмотреть такую жалобу по существу лишь в случае, если «из конкретных обстоятельств следует, что адвокат действует в интересах и по воле этого гражданина». Таким образом, суд наделен обязанностью проверить соответствие действий адвоката интересам гражданина, что представляется довольно грубым вмешательством в конфиденциальность отношений клиента и доверителя, а кроме того все равно предполагает возможность отказать в рассмотрении жалобы по существу если суд сочтет, что адвокат действует «не в интересах доверителя».

Во-вторых, отмечалось [3], что, согласно пункту второму статьи 6 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской

Федерации», адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый соответствующим адвокатским образованием, лишь в случаях, предусмотренных федеральным законом. Такие случаи предусмотрены ч. 3 ст. 25.5 КоАП и ч. 4 ст. 49 УПК. Правовая природа ордера в иных случаях неясна, и видимо подтверждает лишь факт наличия соглашения между адвокатом и доверителем, либо иным лицом, действующим с согласия или по поручению доверителя в его интересах. При этом, если недееспособный (ограниченный в дееспособности) гражданин наделен правом выбрать себе представителя, то вопрос о возможности такого гражданина самостоятельно заключить соглашение с адвокатом или дать на это согласие (то есть совершить гражданско-правовую сделку) решен законом скорее отрицательно (статьи 29, 30 ГК РФ). И каково же тогда значение ордера? Таким образом, возможность для адвоката представлять в суде интересы такого гражданина лишь на основании ордера вызывает сомнения.

К тому же правовая помощь инвалидам с психическими расстройствами часто оказывается представителями некоммерческих организаций, оказывающих помощь этой категории граждан, либо иными лицами, не имеющими статуса адвоката (друзьями, родственниками).

В этом случае единственным предусмотренным законом вариантом подтверждения полномочий представителя является устное или письменное заявление гражданина, упомянутое в пункте шестом статьи 53 ГПК РФ.

Обычно у судов и участников процесса не возникает затруднений с привлечением к участию в судебном заседании таких представителей по устному или письменному заявлению присутствующего недееспособного гражданина.

Тем не менее, существует ряд сложностей, связанных с участием таких представителей в процессе.

Во-первых, так же, как и в случае с адвокатом «по ордеру», недееспособный гражданин не может по буквальному смыслу закона

наделить такого представителя «специальными» полномочиями, требующими доверенности.

Во-вторых, возможна ситуация, когда сам гражданин участвует в заседании, а выбранный им представитель не присутствует, поскольку не может подтвердить своих полномочий до рассмотрения заявления доверителя и вынесения определения. Оставаясь же «посторонним» он не может ни получить информации о дате и месте судебного заседания, ни пройти к месту заседания (например, в случае его проведения в помещении психиатрической больницы или интерната, или в случае ограничений на проход в здание суда для лиц, не участвующих в деле, по причине пандемии COVID-19 и т.п.). В таком случае заявление о допуске в качестве представителя «неявившегося» лица скорее всего не будет рассмотрено по существу.

В-третьих, возможна и обратная ситуация, когда гражданин не желает или не может принять личного участия в заседании (например, по причине своей госпитализации или ухудшения своего состояния), однако участие его представителя целесообразно. Например, для заявления ходатайств о приобщении или истребовании доказательств, вызове свидетелей и т.п.

В-четвертых, помощь представителя может требоваться не только непосредственно в судебном заседании. Право представителя, например, представлять доказательства должно обеспечиваться реальной возможностью такие доказательства собирать. Важной задачей по делам о дееспособности и делам о госпитализации является получение копий документов из ранее рассмотренных с участием недееспособного гражданина судебных дел, копий медицинских документов, различных справок и характеристик. Для сбора таких документов представитель должен иметь возможность подтвердить свои полномочия перед третьими лицами.

По мнению Верховного Суда [2], порядок оформления полномочий представителя в порядке п.6 ст. 53 ГПК РФ может быть реализован лишь при непосредственной фиксации судом подобного волеизъявления. Подобное

оформление полномочий представителя во внесудебном порядке не предусмотрено, что означает невозможность для недееспособного участника дел о дееспособности прибегнуть к помощи п.6 ст. 53 ГПК РФ для преодоления затруднений, упомянутых в последних двух ситуациях.

Можно возразить, что трудности, связанные с участием в деле уполномоченного представителя, компенсируются наличием у недееспособного гражданина законного представителя, способного подтвердить свои полномочия в том числе и вне судебного заседания и призванного осуществлять защиту прав и свобод гражданина. Однако законодатель не случайно упоминает не просто «представителя», но представителя, «выбранного им самим», поскольку в делах о дееспособности обычным является конфликт или во всяком случае разнонаправленные интересы гражданина и его опекуна (попечителя).

Представляется, что необходимо специальное законодательное решение о фиксации выбора гражданином своего представителя в делах о дееспособности и оформлении полномочий такого представителя, позволяющем действовать как в отсутствие доверителя, так и вне судебного заседания. Например, в порядке, аналогичном институту обеспечения доказательств (ст.ст. 64-66 ГПК РФ).

В настоящий момент указанные затруднения могут быть частично преодолены путем использования бумажной копии определения суда или выписки из протокола о вынесении протокольного определения суда о привлечении лица в качестве представителя по заявлению представляемого в качестве «квазидоверенности». Такой подход предлагается [1], например, применительно к аналогичной норме АПК РФ (п.4 ст. 61).

К вопросу о представительстве в делах о дееспособности тесно примыкает и вопрос о составе заинтересованных лиц, участвующих в деле. Так, законом определен круг лиц, обладающих правом на подачу заявлений по делам о дееспособности (ст. 281 ГПК РФ). Указанный круг (что логично) практически совпадает с кругом лиц, имеющих преимущественное право на

назначение опекуном или попечителем (п.5 ст. 10 Федерального закона «Об опеке и попечительстве»). Законодатель прямо перечисляет тут лиц (близких родственников гражданина), имеющих интерес в решении вопросов о его дееспособности и опеке (попечительстве) над ним.

Следовательно, если одно из таких лиц инициировало дело о дееспособности, то другие заинтересованы в результатах его рассмотрения, а значит выступают в качестве заинтересованных лиц по смыслу п.2 ст. 263 ГПК РФ.

В практике автора встречается неединообразный подход судов к этому вопросу. В одном случае близкие родственники были указаны в качестве заинтересованных лиц заявителем (стационарной организацией социального обслуживания, в которую был помещен под надзор гражданин) и активно участвовали в судебном разбирательстве. В другом случае вопрос о привлечении к делу близких родственников был поднят органом опеки и попечительства, рассматривался в заседании и был решен отрицательно с учетом мнения недееспособного гражданина (который выступал заявителем). В третьем случае близким родственникам было отказано в привлечении к участию в деле, несмотря на их об этом ходатайство, с мотивировкой, что вопрос о правах и обязанностях матери лица не разрешается при признании ее сына недееспособным (заявителем выступала медицинская организация). Позиция суда первой инстанции была поддержана Московским городским судом, отклонившим частную жалобу на определение суда о возврате апелляционной жалобы матери.

Представляется, что вопрос о привлечении близких родственников к участию в делах о дееспособности по инициативе суда или ходатайствам участников процесса должен решаться исходя из конкретных обстоятельств дела, но во всяком случае они должны привлекаться к делу при поступлении от них соответствующего ходатайства.

Что касается дел о госпитализации, то специальные нормы по вопросу представительства госпитализируемых граждан возникли с введением в

действие КАС РФ в 2015 г. Главной новеллой выступил пункт шестой статьи 277, который установил обязанность суда назначить такому лицу адвоката, если у него отсутствует представитель.

В результате возникла правовая коллизия. Подразумевается, что у недееспособных и ограниченных в дееспособности граждан в любом случае имеется законный представитель. Однако такой представитель (особенно, если его обязанности выполняет организация в порядке п.4 ст. 35 ГК РФ) может не присутствовать в судебном заседании. Кроме того, нередко именно законный представитель фактически выступает инициатором недобровольной госпитализации.

В этом случае при рассмотрении дела законный представитель у такого гражданина отсутствует или не может защищать его права [5]. Однако гражданин не может воспользоваться помощью иного, выбранного им самим представителя, и в любом случае представлять его интересы будет назначенный судом адвокат. Более того, если законный представитель в судебном заседании присутствует и поддерживает требование о госпитализации, гражданин не может воспользоваться даже и помощью адвоката (ведь у него формально есть представитель).

Между тем, природа дел о госпитализации весьма сходна с делами о дееспособности. В обоих случаях речь идет об основных личных правах гражданина и об его психическом расстройстве, в обоих случаях гражданин испытывает трудность в понимании, формулировании и выражении своей позиции, может находиться в конфликте с законным представителем или близкими родственниками, нуждается в помощи «внешнего» представителя для сбора доказательств.

Представляется, что законодатель должен предусмотреть и урегулировать возможность для недееспособного или ограниченного в дееспособности гражданина пользоваться помощью избранного им самим представителя при рассмотрении дел о госпитализации аналогично тому, как это сделано для дел о дееспособности.

Литература.

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2020 № 3-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки С.»
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2009 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой, П.В. Штукатурова и М.А. Яшиной»
3. Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации / О.В. Абознова, Н.Г. Беляева, Ю.С. Колясникова и др.; отв. ред. И.В. Решетникова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 480 с.
4. Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб.: Издательство юридического факультета С.-Петербургского государственного университета, 2005. 672 с.
5. Решение Верховного Суда РФ от 11.09.2017 № АКПИ17-581
6. Соловьев А.А. Общие положения о представительстве в административном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2017. N 3. С. 51 - 73.